Я остался позади, не испытывая никакого желания следовать за ними обоими. Что касается меня, то эпизод закончился, чувство эротического напряжения сменилось весельем, что пошло мне на пользу. Я больше не был возбужден, не осталось ничего, кроме чувства глубокого удовлетворения после того, как я последовал своему внезапному озорному порыву, веселого, почти шумного самодовольства при мысли о проделанной мной шутке. Впереди меня толпа теснилась вплотную, волны возбуждения начинали подниматься, поднимаясь к барьеру единой черной, мутной массой, но я не смотрел, мне сейчас было скучно. Я подумал о том, чтобы пойти в Крио или пойти домой. Но как только я инстинктивно поднял ногу, чтобы сделать шаг вперед, я заметил синий бланк для ставок, забытый на земле. Я поднял его и лениво подержал между пальцами, не зная, что с ним делать. Я смутно подумывал о том, чтобы вернуть его “Лайосу”, что могло бы послужить отличным предлогом для знакомства с его женой, но я понял, что она меня больше не интересует, что мимолетный пыл, вызванный этим приключением, давно остыл в моей прежней апатии. Я не хотел от жены Лайоса ничего большего, чем этот воинственный, вызывающий обмен взглядами — я нашел толстяка слишком неаппетитным, чтобы желать поделиться с ним чем-то физическим. Я испытал покалывание в нервах, но теперь испытывал только легкое любопытство и приятное чувство расслабления.

Там был стул, брошенный и одинокий. Я устроился на нем поудобнее и закурил сигарету. Впереди меня снова поднимались волны возбуждения, но я даже не слушал; повторение не имело для меня никакого очарования. Я смотрел, как поднимается бледный дым, и думал о набережной поля для гольфа Мерано, где я сидел два месяца назад, глядя вниз на брызги водопада. Это было именно так: в Мерано тоже слышался сильно нарастающий рев, который не был ни горячим, ни холодным, бессмысленный звук, поднимающийся в безмолвном голубом пейзаже. Но теперь страстный энтузиазм по поводу гонки снова достиг своего апогея; снова зонтики, шляпы, носовые платки и громкие крики летели, как морские брызги, над черными волнами толпы, снова голоса кружились вместе, снова крик - но другого рода — вырвался из гигантского рта толпы. Я слышал, как имя выкрикивали тысячу, десять тысяч раз, ликующе, пронзительно, восторженно, неистово. “Кресси! Кресси! Кресси!” И снова звук внезапно оборвался, как будто оборвалась натянутая струна (ах, как повторение делает даже страсть монотонной!). Заиграла музыка, толпа разошлась. Были подняты доски с номерами выигравших лошадей. Я посмотрел на них без сознательного намерения. Первым числом была отчетливая СЕМЕРКА. Я машинально взглянула на голубой листок, который все еще держала в руке, и забыла. Там тоже было написано "СЕМЬ". Я не мог удержаться от смеха. Слип выиграл; друг Лайос сделал удачную ставку. Таким образом, мое озорство фактически обманом лишило толстого мужа денег: внезапно мое буйное настроение вернулось, и мне стало интересно узнать, во сколько ему обошлось мое ревнивое вмешательство. Я впервые присмотрелся к кусочку синей карты повнимательнее: это была ставка в двадцать крон, и Лайос поставил ее на лошадь, чтобы выиграть. Это может составить значительную сумму. Не думая больше об этом, просто повинуясь зуду любопытства, я позволил спешащей толпе отнести себя к окнам тотализатора. Меня втолкнули в какую—то очередь, положили квитанцию о ставках, и в следующий момент две занятые костлявые руки — я не мог видеть лица, которое шло с ними за окном, - отсчитывали девять банкнот по двадцать крон на мраморной плите передо мной.

В тот момент, когда мне были выплачены деньги, настоящие деньги в синих банкнотах, смех замер у меня в горле. Я сразу же почувствовал неприятное ощущение. Я невольно отдернул руки, чтобы не прикасаться к деньгам, которые не были моими. Я бы с удовольствием оставил голубые банкноты лежать на мраморной плите, но люди толкались позади меня, нетерпеливо желая обналичить свой выигрыш. Так что я ничего не мог поделать, кроме как, чувствуя себя очень неловко, неохотно брать банкноты пальцами: банкноты горели синим огнем, и я бессознательно держал растопыренные пальцы подальше от себя, как будто рука, взявшая их, принадлежала мне не больше, чем деньги. Я сразу увидел всю сложность ситуации. Без моей

собственной воли шутка превратилась в нечто такое, чего не должен был делать порядочный человек, джентльмен, офицер запаса, и я не решался назвать это своим настоящим именем даже про себя. Ибо это были не те деньги, которые были удержаны; оно было получено хитростью. Это были украденные деньги.

Вокруг меня гудели и гудели голоса, люди толпились по пути к окнам тотализатора и обратно. Я все еще стоял там неподвижно, держа протянутую руку подальше от себя. Что мне было делать? Сначала я подумал о самом естественном решении: найти настоящего победителя, извиниться и вернуть ему деньги. Но так не пойдет, тем более в присутствии этого офицера. В конце концов, я был лейтенантом запаса, и такое признание сразу же стоило бы мне комиссионных, потому что даже если бы я случайно нашел карточку, обналичивание ее было нечестным поступком. Я также подумал о том, чтобы, повинуясь инстинкту своих подергивающихся пальцев, скомкать банкноты и выбросить их, хотя это тоже было бы слишком легко видно посреди такой толпы людей и выглядело бы подозрительно. Однако я ни на минуту не хотел оставлять при себе деньги, которые не принадлежали мне, не говоря уже о том, чтобы положить их в бумажник и отдать кому-нибудь позже: чувство чистоты, привитое мне с детства, как и привычка носить чистое нижнее белье, вызывало отвращение при любом контакте, даже мимолетном, с этими банкнотами. Я должен избавиться от денег, лихорадочно думал я, я должен избавиться от них где-нибудь, где угодно! Я инстинктивно огляделся в растерянности, задаваясь вопросом, смогу ли я где-нибудь найти укрытие, шанс спрятать его незамеченным, я заметил, что люди снова начали стекаться к окнам тотализатора, но на этот раз с банкнотами в руках. Эта идея была моим спасением. Я бы бросил деньги обратно злому шансу, который дал их мне, обратно во всепоглощающую пасть, которая теперь жадно поглощала новые ставки в банкнотах и серебре - да, это было то, что нужно было сделать, это был способ освободиться от этого.

Я порывисто заторопился, даже побежал, прокладывая себе путь в толпе. Но к тому времени, когда я понял, что не знаю имени ни одной лошади, на которую можно было бы поставить, передо мной было только двое мужчин, и первый уже стоял у окна тотализатора. Я жадно прислушивался к разговору вокруг меня. “Вы поддерживаете Равашоля?” - спросил один мужчина. “Да, конечно, Равашоль", - ответил его спутник. “Ты не думаешь, что у Тедди есть шанс?” “Тедди? Ни малейшей надежды. Он с треском провалился в своей первой гонке. Все шоу, никакого содержания”.

Я упивался этими словами. Значит, Тедди был плохой лошадью. Тедди был уверен, что проиграет. Я сразу же решил поставить на него. Я подтолкнул деньги, поставил их на Тедди, лошадь, о которой я только что слышал, чтобы выиграть, и рука дала мне бланки ставок. Внезапно у меня в руках оказалось девять карточек вместо одной, на этот раз красной и белой. Я все еще чувствовал себя неловко, но, по крайней мере, бумажки не горели так яростно, так унизительно, как смятые банкноты.

На душе у меня снова стало легко, почти беззаботно: деньги кончились, неприятная часть приключения закончилась, все началось как шутка, и теперь все снова стало шуткой. Я непринужденно откинулся на спинку стула, закурил сигарету и на досуге выпустил дым в воздух. Но я пробыл там недолго; я встал, прошелся, снова сел. Как странно: мое чувство приятной задумчивости исчезло. Какая-то нервозность покалывала мои конечности. Сначала я подумал, что мне неудобно при мысли о том, что я могу встретить Лайоса и его жену в толпе проходящих мимо людей, но как они могли догадаться, что эти новые бланки ставок действительно их? Не беспокоило меня и беспокойство толпы; напротив, я внимательно следил, чтобы увидеть, когда они снова начнут продвигаться вперед, действительно, я поймал себя на том, что снова и снова поднимаюсь на ноги, чтобы посмотреть на флаг, который будет поднят в начале гонки. Так вот оно что — нетерпение, нарастающая внутренняя лихорадка

ожидания, когда я желал, чтобы гонка поскорее началась и утомительное дело закончилось навсегда.

Мимо пробежал мальчик с газетой о скачках. Я остановил его, купил программу сегодняшней встречи и начал искать текст и подсказки, написанные на странном и непонятном жаргоне, пока, наконец, не нашел Тедди, имена его жокея и владельца скаковых конюшен, а также информацию о том, что его цвета были красно-белыми. Но почему это меня так заинтересовало? Раздраженный, я скомкал газету и отбросил ее, встал, снова сел. Мне вдруг стало жарко, пришлось провести носовым платком по влажному лбу, воротник стал тесен. И все же гонка не началась.

Наконец прозвенел звонок, люди поднялись, и в этот момент я, к своему ужасу, почувствовал, что звон этого звонка, как будильник, пробудил меня от какого-то сна. Я вскочил со стула так резко, что он опрокинулся, и нетерпеливо поспешил — нет, побежал вперед, в толпу, крепко зажимая в пальцах карточки для ставок, словно охваченный безумным страхом опоздать, пропустить что-то очень важное. Я добрался до барьера в передней части стойки, насильно расталкивая людей, и безжалостно схватил стул, на который собиралась сесть дама. Ее изумленный взгляд показал мне, насколько диким и невежливым было мое поведение — она была леди, которую я хорошо знал, графиня Р., и я видел, как ее брови поднялись в гневе, — но из стыда и неповиновения я холодно проигнорировал ее и взобрался на стул, чтобы получить хороший обзор поля.

http://tl.rulate.ru/book/65178/1715033